

средств и неустроенность способны убить даже самое сильное чувство. Девушка в ответ умоляла не прерывать их отношений.

Афанасию стало ясно, что ему нужно срочно покинуть Крылово, исчезнуть из жизни возлюбленной, чтобы не давать ей напрасной надежды. Но Мария продолжала забрасывать его письмами, полными нежных признаний.

Чтобы поставить точку в их отношениях, Фет спустя два года вернулся в усадьбу Лазичей. Однако во время встречи Мария по-прежнему умоляла поэта жениться на ней. Фет остался непреклонным. «У ней ничего, и у меня ничего... Счастье невозможно», — горько резюмировал в тот момент он. А армейскому товарищу Борису написал, что «несчастный гордиев узел» затягивается «все туже», а разрубить его мечом у него нет «духу и силы».

«Разрубила» гордиев узел Мария или, может быть, сама судьба. Несколько месяцев спустя до Фета дошла трагическая весть: Марии Лазич не стало. Рассказывали, что на ее платье будто бы упала непотушенная спичка. Тонкая кисея загорелась, испуганная Маша, пометавшись по комнатам усадьбы и не в силах совладать с огнем, выскочила на балкон, на свежем воздухе пламя вспыхнуло сильнее, и тогда девушка бросилась вниз. По мнению окружающих ее людей, это не было несчастным случаем — почти все были убеждены, что Мария сделала сознательный шаг: покончила с собой из-за несчастной любви.

Удивительно, как много случайностей было в момент ее смерти. Воздушное кисейное платье, отсутствие людей в усадьбе, ее метания в пылающей одежде по комнатам вместо отчаянной борьбы с огнем за жизнь — и, наконец, последний крик: «Спасите письма!». И все это — после разговора с рассудочным Фетом...

Сам Афанасий тоже был убежден, что виноват в смерти Марии именно он, и мучился этим: «Я ждал женщины, которая поймет меня, и дождался ее. Она, сгорая, кричала: «Ради всего святого, спасите письма», — и умерла со словами: «Он не виноват, а я». Но судьба не смогла соединить нас».

После трагической кончины Лазич к Фету в полной мере пришло осознание любви. Любви неповторимой и единственной. Ему временами казалось, что он роковым образом предсказал судьбу своей возлюбленной и свою собственную в стихотворении, которое впоследствии стало популярным романсом «На заре ты ее не буди»:

*И подушка ее горяча,
И горяч упоительный сон...*

С тех пор он всю жизнь вновь и вновь думал об этой любви и слагал о ней удивительные стихи:

*...Та трава, что вдали на могиле твоей,
здесь на сердце, чем старее оно, тем свежей...*

Воспоминаниям о возлюбленной посвящена поэма «Талисман», стихотворения «Старые письма», «Ты отстрадала, я еще страдаю...», «Нет, я не изменил. До старости глубокой...» и многие другие его стихи.

Ну, а тогда, в 1850-м, будущее представлялось Фету в черном цвете. «Мой идеальный мир разрушен, — писал он. — Что ж прикажете делать? Служить вечным адъютантом — хуже самого худа, ищу хозяйку, с которой буду жить, не понимая друг друга»...

В 1856 году вышел указ, согласно которому для того, чтобы получить дворянское звание, офицеру нужно было дослужиться до чина полковника. Афанасий понимал, что вряд ли получит полковничье звание. Для того чтобы воплотить свою мечту о возвращении дворянского титула, ему оставалось одно: жениться на богатой невесте и воспользоваться ее деньгами и связями.

Брак по расчету

В 1857 году 37-летний Фет взял отпуск и на деньги, полученные от публикации стихов, отправился в Париж. Там он познакомился с дочерью богатого московского чаепромышленника Марией Боткиной. Мария Петровна не блистала красотой, к тому же ей было уже 28 лет (по меркам того времени, для невесты — возраст критический). Несмотря на солидное приданое, желающих

жениться на Марии Боткиной не находилось. И вот на это решился Фет.

Через несколько недель после знакомства он сделал Боткиной предложение. Перед свадьбой поэт признался ей в своем незаконном происхождении. Мария Петровна сделала ответное признание: она не девственница, в ранней юности в ее жизни случился короткий роман... После венчания супруги поселились в Москве.

Вскоре Фет решил уйти от столичной суеты и приобрел поместье неподалеку от Москвы. Он с головой окунулся в хозяйственную деятельность. Однако полученных от имени доходов Фету казалось мало, и он продолжал публиковать свои стихи. Соседи удивлялись, как могут эти тонкие лирические строки принадлежать перу столь практичного человека.

Между тем у Фета дела шли в гору, его владения расширялись. Со временем он приобрел еще два поместья. Его знаменитую яблочную пастилу доставляли ко двору императора и великих князей. Благодаря этой

